

Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1989. – Вып. 3. С. 54–60.

В научной литературе наиболее часто обсуждаются такие аспекты языковых явлений, как язык, речь, текст, речевая деятельность. Последняя, строго говоря, предметом собственно лингвистических исследований никогда не была, но стала центральным понятием психолингвистики наряду с понятиями языковой способности, языковой компетенции, коммуникативной компетенции и некоторыми другими¹. Однако из современного представления о деятельности² вытекает, что в наибольшей мере характеру собственно деятельности отвечают лишь некоторые (в сущности вторичные) случаи: редакторская и корректорская деятельность, работа писателя над словом (текстом), определенные фрагменты деятельности по овладению родным и иностранными языками и т. п., то есть все те случаи, когда мотив этой деятельности опредмечивается непосредственно в самом создаваемом речевом произведении, тексте, когда речевое произведение (текст) выступает как самоцель, как главная цель. Собственно же речевые акты, «процессы говорения и понимания» (Л. В. Щерба), совершаемые людьми в целях осуществления какой-то другой деятельности, необходимо признать лишь речевыми действиями и операциями, «входящими в какие-то деятельности»³, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Центральным же понятием лингвистики оставалось и продолжает оставаться понятие языка.

В дальнейшем мы будем исходить из следующих рабочих положений. **Язык** есть возникающее и развивающееся на базе коммуникативных потребностей людей средство осознания и оформления мысли, средство формирования и формулирования собственно человеческой, осознанной мысли. Он представля-

¹ *Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ.* М.: Наука, 1989.

² *Леонтьев А. Н. Общие понятия деятельности // Основы теории речевой деятельности.* М.: Наука, 1974; *Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность.* 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

³ *Теория речевой деятельности.* М.: Наука, 1968. С. 31.

ет собой систему двусторонних знаков и закономерностей их функционирования, являющуюся упорядоченным набором особого рода «психологических орудий» (Л. С. Выготский), используемых людьми в процессах осуществления ими коммуникативной и речемыслительной деятельности, обеспечивающих в конечном итоге осуществление всех остальных видов человеческой деятельности. *Речь* (говорение или написание) – процесс реализации этой системы, результатом которого является *текст*⁴.

По отношению к бытию речи как к протекающему во времени и пространстве линейному звуковому (устная речь) или графическому (письменная речь) потоку, континууму материальных явлений значительных расхождений, как правило, не возникает (проблемы внутренней речи нами не затрагиваются). Текст же обычно рассматривается исследователями в качестве единственного предмета, доступного непосредственному наблюдению. Принципиальное отношение к тексту в этом случае достаточно часто оказывается таким же, как к любым другим материальным явлениям живой и неживой природы. При этом (в случае обращения внимания лингвистов на изучение выводимых ими из текстов языковых систем – словарей и грамматик языков) очень многое начинает определяться классифицирующей и систематизирующей деятельностью исследователей, осуществляемой на основе учета тех или иных *формальных, функциональных* или *содержательных* признаков, кладущихся в основание классификации, то есть действительно, как совершенно справедливо писал Ф. де Соссюр, той или иной «точкой зрения»⁵.

Основой задачей настоящей работы является рассмотрение вопроса о форме и способе существования языка, понимаемого в указанном выше смысле. В научной литературе имеются различные высказывания по этому поводу. В

⁴ *Звегинцев В. А.* Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – Ср. высказывание по данному вопросу И. А. Зимней: «Речь рассматривается нами как способ формирования и оформления мысли посредством языка, который выступает в качестве инструмента, орудия, средства процессов формирования и формулирования мысли» (*Исследования речевого мышления в психолингвистике*. М.: Наука, 1985. С. 72).

⁵ *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 46.

самом общем виде можно отметить два основных подхода к проблеме бытия языка: 1) признание реальности существования речи (текстов) и объявление языка лишь конструктом исследователей; 2) признание реальности существования языка и речи. Первый из этих подходов не раз подвергался достаточно убедительной критике⁶. Язык как система, безусловно, существует и без его исследователей, иначе никакое речевое общение было бы просто невозможно. Но и признавая язык как реальность, обычно говорят: а) либо просто о системе двусторонних языковых единиц и правилах их функционирования, вообще не уточняя, где и как эта система существует, б) либо об объективном существовании языка только в речи (текстах), в) либо о его субъективном существовании только в головах носителей языка.

Естественно предположить, что во всем этом находят отражение какие-то объективные свойства самого языка. И очевидно, совершенно не случайно в последнее время исследователи все чаще начинают указывать на его двойственный характер. Так, в одной из монографий говорится о двойном (материально-идеальном) модусе существования языка⁷. Автор другой работы отмечает, что язык, осуществляясь в речи, «кроме того, хотя бы и потенциально (виртуально), существует в мозгах его носителей»⁸. Н. А. Слюсарева, исследуя теорию Ф. де Соссюра «в свете современной лингвистики», делает следующее заключение: «...язык существует в сознании, и в то же время он существует в речи... Язык и идеален в сознании и материален в речи. Вследствие этого перед языковедами стоит предмет, имеющий двойственную природу»⁹. А. А. Леонтьев говорит о языке как системе (предмете, стандарте, объективной языковой систе-

⁶ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 27; Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983; Будагов Р. А. Язык – реальность – язык. М.: Наука, 1983; Колшанский Г. В. О правомерности разграничения языка и речи // Иностр. яз. в высш. школе. 1964. Вып. 3. С. 187–208.

⁷ Языковая номинация: общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 8.

⁸ Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983. С. 11.

⁹ Там же.

ме) и о языковой способности или о речевом механизме. При этом он считает, что язык как способность «формируется в процессе присвоения языка как объективной языковой системы»¹⁰.

Есть действительно все основания считать, что язык реально существует в диалектическом единстве материальной и идеальной форм. Это положение представляется нам чрезвычайно важным прежде всего в методологическом отношении, так как недостаточный учет его является источником целого ряда недоразумений, иногда возникающих при исследовании лингвистических явлений и вытекающих, главным образом, из признания (или преувеличения роли) только одной из этих форм и игнорирования другой, тогда как обе они реальны и действительны именно в своем единстве.

Утверждение существования языка только в идеальной форме¹¹ внутренне противоречиво. Любое идеальное, включая, несомненно, идеальную форму языка, предполагает наличие чего-то материального, так как принципиально не может быть ничем иным, кроме как отражением, субъективным образом объективного мира. Следовательно, только отражение частных фактов речи (текстов) приводит к возникновению обобщенной языковой системы – ее действительных инвариантных отражений в языковом сознании людей или же приблизительных, неточных, относительных отражений в виде грамматик, словарей, схем, моделей, конструкторов и т. п. в результате научно-исследовательской деятельности исследователей¹². Обобщать же факты речи языковое сознание может лишь потому, что это общее есть в самих отражаемых явлениях — в звуках, морфах, словоформах и т. д., чем, в свою очередь, и обеспечивается существование языка в материальной форме: «Язык представлен в конкретных актах говорения всех индивидуумов народа, таких конкретных актах, которые одновременно в своей реальности существуют и как общее, связы-

¹⁰ *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. С. 23.

¹¹ *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 59.

¹² *Щерба Л. В.* Указ. соч. С. 35.

вающее все эти единичные акты в одно явление, называемое языком человека»¹³.

Сторонники существования языка только в идеальной форме в обоснование своей точки зрения обычно приводят следующий довод. Язык – явление двустороннее, обладающее как планом выражения, так и планом содержания. Материальные же явления речи (текстов) никаким идеальным содержанием не обладают и обладать не могут¹⁴. Поэтому и существование языка в речи невозможно.

Конечно, звуки и их графические изображения ничем идеальным в буквальном смысле этого слова, то есть идеальным как таковым, как «субъективным переживанием процесса, разыгрывающегося в нейрофизиологическом субстрате»¹⁵, не обладают и обладать не могут, так как не обладают самим этим нейрофизиологическим субстратом. Хорошо известно, что все высшие формы отражения, в отличие от механических отражений и простой раздражимости, присущи только животным, обладающим нервной системой, психикой. Более того, ничего идеального как такового (по определению) нет не только в материальных оболочках слов, но и в рисунках, музыкальных произведениях, изображениях на телеэкране и т. п. Всё это, несомненно, собственно материальные явления: краски, звуки и т. д. И тем не менее реальные люди каждый раз реально воспринимают все эти явления как (как бы!) обладающие определенным и идеальным содержанием. Дело в том, что звуки человеческой речи (как и все перечисленные выше явления) с самого начала есть не что иное, как форма и способ материализации идеального. В современной науке прочно утвердилось положение о сложном диалектическом единстве языка-речи и собственно человеческого, осознанного мышления, о существовании – при всей сложности, комплексности, разноуровности и т. п.

¹³ *Общее языкознание*. М.: Наука, 1970. С. 88–89.

¹⁴ *Бодуэн де Куртенэ*. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

¹⁵ *Павлов В. М.* Понятие лексемы и проблема соотношения синтаксиса и словообразования. М.: Наука, 1985. С. 4.

мышления¹⁶ – специфически человеческой формы вербального мышления¹⁷. Следовательно, л ю б а я речь представляет собой сам процесс осознания в ней субъектом («для других людей и лишь тем самым для меня самого») объективной действительности, самого себя в этой действительности и самого своего мышления, процесс превращения «незнания» в собственно человеческое Знание. У природы (в известных нам пределах пространства и времени) просто нет ни одной другой возможности осознать самую себя, кроме как в «звучах» человеческой речи.

Реально общающимися людьми порождаются и воспринимаются не столько сами звуки как таковые (они вообще обычно остаются в подсознании), сколько те или иные содержания в виде звуков – «звуки-смыслы», «звуки-значения» (или же «графы-смыслы», «графы-значения»). Действительным средством человеческого общения язык может быть только потому, что в речи, текстах он реально воспринимается общающимися людьми в единстве формы и содержания, как содержательная форма, как «форма-содержание». Эта способность к осознанию своего мышления, к материализации идеального в звуках и т. п. является настолько собственно человеческой, что в высшей нервной деятельности людей наблюдается наличие специализированной (исключительно человеческой) «чрезвычайной прибавки» – второй сигнальной системы, ведающей непосредственно речевыми сигналами («вторыми сигналами», «сигналами сигналов»)¹⁸.

Несомненно, мы понимаем то или иное слово (высказывание и т. п.) только потому, что знаем, *что* оно значит, научены этому тем или иным обра-

¹⁶ Салиев Азиз. Мышление как система. Фрунзе: Кыргызстан, 1974; *Системный анализ процесса мышления* / под ред. К. В. Судакова. М.: Медицина, 1989; Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

¹⁷ «Мысль не выражается, но совершается в слове» (Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук СССР, 1956. С. 332; см. также: Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языкознании: язык и мышление. М.: Наука, 1988. С. 188–210).

¹⁸ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. С. 411–412, 424–425.

зом. Самым простым подтверждением чему может служить полное непонимание человеком речи на неизвестном ему языке. Однако, с одной стороны, мы часто достаточно хорошо понимаем в определенной ситуации и незнакомые нам слова, с другой – очень многое в отношении «человек – его язык» определяется самим процессом усвоения языка, деятельностью по присвоению определенной языковой системы.

Слово, и это хорошо известно, как в филогенезе, так и в онтогенезе, первоначально неотделимо от предмета, синкретично с ним и поэтому изначально «входит» в нас вместе с «предметом» (образом восприятия) в качестве одного из многих (актуального в данный момент) признаков этого предмета, затем только в речи (с образом представления этого предмета, со «значением» э т о г о предмета) и наконец (с ростом образования, играющего исключительно важную роль в данном процессе) – со значением абстрактного «предмета», с абстрактным значением (бытовым понятием). Человек рождается, развивается и становится личностью в двойном и первоначально неделимом для него мире – в мире «вещей» (прежде всего в биосфере) и в мире слов (можно сказать, в лингвосфере¹⁹), эти вещи представляющих, опосредующих – «Действительность 1» и «Действительность 2»²⁰ (В. А. Мартынов). Только на определенной стадии развития человек становится способным отрываться в случае необходимости от непосредственного отношения к миру вещей в отношении к миру слов (вторых сигналов), жить и действовать в определенных случаях (рассудочная и некоторые другие виды деятельности) в условиях собственно лингвосферы, заменяющей, «имитирующей» для него все остальные жизненные сферы. Память овладения языком, его значимыми единицами сохраняется на всю жизнь. Различные качественные этапы этого овладения не исчезают бесследно, а снимаются по-

¹⁹ Ср. понятие «логосфера» (Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 40).

²⁰ В целом, очевидно, следовало бы говорить о трех действительностях: 1) объективной (реальный материальный мир сам по себе), 2) субъективной (его идеальные отражения), 3) субъективно-объективной (речь, тексты). Третья действительность является посредником в направлении от первой действительности ко второй.

следующими этапами, то есть последующие этапы не сменяют предшествующие чисто механически, не отменяют и не вытесняют их, а дополняются, обогащаются ими, обеспечивая во всей своей полноте и целостности новый (высший) качественный уровень интеллектуальной деятельности человека на основе единства и противоречия рациональных и чувственных, логических и психических начал его духовной жизни. Учитывать всё это – значит относиться к языку прежде всего как к «атрибуту человеческой природы» со всеми вытекающими отсюда последствиями²¹, то есть неизменно учитывать в лингвистических исследованиях фактор человека, понимаемого в диалектическом единстве всех его социальных и биологических признаков, общественных и индивидуальных начал его психики.

Поэтому смотреть на слово только как на акустический или графический комплекс, возбуждающий в головах людей в результате воздействия на органы чувств определенные, якобы заранее существующие и находящиеся как бы в спящем состоянии образы, понятия идеи и т. п.²², – значит видеть только одну сторону явления и не замечать другие важнейшие его стороны, и в первую очередь собственно психические процессы, происходящие в общающихся с помощью языка людях.

В действительности же существует своеобразный парадокс текста. Текст без человека, вне реальных процессов его порождения и восприятия представляет собою в прямом смысле лишь что-то материальное. Текст же с человеком, текст в реальных процессах речевого общения реально *в о с п р и н и м а е т с я* людьми как двусторонняя сущность, обладающая как планом выражения, так и планом содержания, и прежде всего именно не как звуки или начертания (формы, которые, как уже говорилось, в большинстве случаев остаются просто в подсознании), а как само содержание, преобразованное в звуки, оформленное, представленное в виде звуков, воплощенное в них (или начертания). Поэтому

²¹ *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. С. 14.

²² При таком подходе вопрос о передаче новых знаний становится весьма проблематичным.

«план выражения» в данном случае есть в то же самое время и «план содержания», инобытие содержания, материализованное идеальное²³. Такова собственно психологическая реальность восприятия общающимися людьми речи, текстов, и она, несомненно, как и всякая реальность, подлежит всестороннему объективному изучению такой, какова она есть – во всем своем своеобразии, во всей своей парадоксальности. Поэтому – основанное на подкупающей своей простотой и понятностью, но, в сущности, прямолинейно-механистическом понимании восприятия речи В. Гумбольдтом²⁴ – отношение к речевым фактам не как к собственно знакам, а лишь как к телам знаков, развиваемое в ряде современных психолингвистических исследований²⁵, не представляется достаточно убедительным²⁶.

Язык в материальной форме реально представлен в виде бесконечных множеств соединенных между собой определенным образом элементов речи, того общего, что есть в этих элементах. Так, лексема русского языка *лес* реально существует во всем множестве ее конкретных речевых реализаций в коммуникативных актах. Во множестве конкретных речевых реализаций реально су-

²³ Идеальное, как известно, может материализоваться не только в звуках человеческой речи, но и во многих других продуктах деятельности человека: в музыке, живописи, строениях, механизмах и т. д.

²⁴ То есть утверждение креативного характера восприятия речи. «Люди понимают друг друга не потому, что передают друг другу знаки предметов... а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивает в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» (*Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 165–166*).

²⁵ См.: *Лингвистическая прагматика... С. 9 и сл.*

²⁶ Ср.: «Что есть слово? слово есть тело разума человеческого, как вот сии тела – твое и мое – есть одежда наших душ, не более того. Теперь: берем любую книгу, она составлена из слов, а составил ее некий человек, живший, скажем, за сто лет до сего дня. Что же должны мы видеть в книге? Запечатленный разум человека, который жил задолго до нас и оставил в назидание нам все богатство души, накопленное им. Стало быть, примем так: в книгах заключены души людей, живших до нашего рождения, а также живущих в наши дни, и книга есть как бы всемирная беседа людей о делах своих и запись душ человеческих в жизни» (М. Горький. *Жизнь Клим Самгина*).

ществует и каждый член любой языковой парадигмы *лес – леса – лесу...*, словообразовательные и синтаксические модели и т. п. Принципиально это такое же реальное прерывное существование того или иного языкового явления (и всего языка!) в массе его отдельных элементов, как и существование вообще всех явлений действительности²⁷. Поэтому совершенно правы те исследователи, которые считают, что язык и речь – это разные стороны одного явления: «Язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного. Речь есть язык, взятый со стороны единичного и переменного»²⁸. Каждый человек с языковыми явлениями встречается в речи (текстах) так же, как и со всеми остальными явлениями окружающего мира (со множеством реальных лесов, полей, сел, домов, стульев и т. д.), обобщающихся затем (на основе наличия общего в самих однородных явлениях) в идеальных отражениях этих явлений в головах людей.

В то же время взгляды некоторых исследователей, признающих существование языка в материальной форме, оказываются ограниченными и односторонними в других отношениях: они (исследователи) в силу тех или иных причин отказываются признавать вторую – идеальную – форму существования языка.

Так, существует отношение к идеальным языковым явлениям только как к чему-то индивидуальному и субъективному, не имеющему статуса языка в силу его социальной природы – средства человеческого общения²⁹. Однако по-

²⁷ Ср., например, реальное существование каждого химического элемента (как и всей системы химических элементов) во всей массе его реальных химических соединений или отдельных атомов.

²⁸ *Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 59.

²⁹ Весьма показательным в этом отношении является красной нитью проходящий через упомянутую выше работу Л. В. Щербы конфликт по линии социальное – индивидуальное, возникающий главным образом в связи с последовательным и принципиальным противопоставлением языковой системы (социальное) и психофизиологической речевой организации (индивидуальное). Последняя, по Щербе, являясь индивидуальным проявлением языковой системы, в идеале «может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно назвать „индивидуальными языками“, если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под

добные доводы не представляются убедительными, так как здесь наблюдается явно недостаточный учет диалектики общего и отдельного, социального и индивидуального. Затруднения, возникающие в связи с необходимостью «преодоления барьера между атрибутами „социальное“ и „индивидуальное“, которые надлежит приписывать одной и той же реальности, оказываются „мнимыми затруднениями“»³⁰. Идеальные «психофизиологические организации» (Л. В. Щерба), которые действительно можно и нужно назвать *индивидуальными языками*, несомненно, будут чем-то отличаться от «объективной» языковой системы и друг от друга. Но все возможные здесь различия, все возможные противоречия относятся, как правило, к периферийным, малосущественным или же вообще несущественным областям и ни в коей мере не являются определяющими. В данном случае мы имеем дело лишь с одной из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания (языкового сознания) и все возникающие противоречия всегда могут быть поняты и объяснены в пределах этого соотношения. Представляется также весьма существенным тот факт, что языковое сознание, как и любая другая форма отражения действительности, является субъективным лишь по форме своего существования и объективным (относительно истинным) по содержанию, в том смысле, что «ощущение – это субъективный образ объективного мира. Оно субъективно по форме существования, объективно по содержанию, так как отражает, копирует, фотографирует свойства вещей, существующих вне и независимо от нашего сознания»³¹. Из сказанного следует, что язык в идеальной форме не менее объективен, чем и в материальной, так как в своих существенных моментах он практически идентичен у членов той или иной общности, того или иного языкового коллектива (социального, территориального и т. п.), что закономерно следует из принципиально адекватного отражения каждым членом определен-

языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность...» (Щерба Л. В. Указ. соч. С. 27; См. также: *Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. С. 23).

³⁰ Павлов В. М. Указ. соч. С. 7.

³¹ *Краткий словарь по философии* / под общ ред. И. В. Блумберга, И. К. Пантина. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982. С. 238–239.

ного сообщества как объективной действительности, так и характерной для этого сообщества лингвистической «среды обитания» (лингвосферы), то есть языка в материальной форме. В противном случае речевое общение людей было бы просто невозможным, как оно стало невозможным между отдельными народами после библейского разделения языков.

Существует также мнение, основанное на признании «главным конститутивным качеством языка» его назначение быть «важнейшим средством человеческого общения», что «естественный язык нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект – его особенность заключается в том, что он существует в совокупности непрерывно продуцируемых актов речи» и что «„отпечатки“ слов... не язык, а каким-то образом упорядоченное множество усвоенных мыслью редуцированных и компрессированных единиц и фигур речи». Поэтому «нет в головах людей слов... со всеми их грамматическими парадигмами... со всеми особенностями произношения... со всеми их значениями, атрибутами, номинативными, пейоративными, экстенциональными и другими признаками, а есть редуцированные, компрессированные „следы“ этих единиц и „следы“ типизированных схем возможных в речи грамматических, фонетических, лексических и других парадигм плюс способность мозга „вызывать“ из памяти эти „следы“ и образовывать с помощью органов речевого аппарата соответствующие единицы и фигуры речи»³². Во-первых, суждение «язык есть средство общения, и как таковой его нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект» либо явно спекулятивно, либо безосновательно: одно никак не следует из другого. Во-вторых, спрашивается, как из *компрессированных* и *редуцированных* «следов», «отпечатков» и т. п. *лишь* с помощью «органов речевого аппарата» создаются *нормальные, полноценные* единицы и фигуры речи? По какому «образу и подобию» они строятся, если их нет в

³² Миллер Е. Н. К определению языка // Вопр. языкозн. 1987. № 3. С. 35–37.

головах людей? Это принципиально невозможно. Деятельностный подход к речевым актам (действиям и операциям) в качестве их существенных компонентов предполагает: постановку цели, планирование, сличение с идеальным образцом, коррекцию и т. д. (см. об этом, например, в работах А. Н. Леонтьева и А. А. Леонтьева). Поэтому в мозгу людей просто не может не быть полноценных образцов говоримого, иначе создание нормальных текстов было бы нереальным. Следовательно, в головах людей непременно должны существовать обобщенные (инвариантные) отражения-аналоги «единиц и фигур речи». Другой вопрос, как они там существуют. Но это уже дело не лингвистов и даже не психолингвистов и психологов, а нейрофизиологов и т. п.

Утверждение существования языка только в материальной форме и возможности объективного изучения его только в этой форме уводит исследователя в область чистых абстракций, голого конструирования, умозрительных построений и формализма. *О р и г и н а л ь н о с т ь и у н и к а л ь н о с т ь* языка состоит, в частности, и в том, что, с одной стороны, отражение материального явления есть действенная форма бытия самого этого явления³³, с другой – сами отражаемые (присваемые, усваемые) материальные явления являются в то же время продуктами деятельности человека (в онтогенезе) и продуктами становления человечества (в филогенезе).

Еще раз необходимо подчеркнуть, что материальная и идеальная формы языка реальны и действительны именно в своем единстве как явления различные и тождественные в одно и то же время, как явления взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимобратимые. Частным практическим примером, подтверждающим сказанное, может послужить проведенное нами сопоставление ассоциативного и ситуативно-тематического полей в русском языке³⁴.

Материальная и идеальная формы языка представляют собою диалектическое единство противоположностей, обеспечивающее возможность истори-

³³ В отличие, например, от отражения периодической таблицы системы химических элементов, никак не являющейся самими этими элементами.

³⁴ *Мартинovich Г. А.* Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филол. науки. 1989. № 3. С. 39–45.

ческого изменения языка, обусловленного в конечном итоге различными (как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими) причинами. Т. П. Ломтев считает, что «основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями»³⁵. Точнее, очевидно, было бы рассматривать «потребности обмена мыслями» как своеобразный «детонатор», «излучатель энергии», приводящий в действие механизм «система – норма», «способность – реальность» и т. п., постоянно находящийся под напряжением, для разрядки которого нужен только какой-то толчок, некий «инструмент замыкания». Как и почему это происходит?

Язык в идеальной форме (языковое сознание) содержит как всё актуальное, реально проявляющееся в речи, так и всё потенциальное, способное проявиться в случае необходимости, то есть представляет собою систему в ее наиболее полном объеме. Языковое сознание, возникая в результате отражения фактов речи, в то же самое время само «творит» речь и тем самым осуществляет материальную форму языка. Как и всякое сознание, языковое сознание имеет активно-творческое начало, постоянно стремится к наиболее полному проявлению всех своих свойств, возможностей и способностей³⁶. Творческими по своей сути являются и речевые акты людей, создающих по определенным закономерностям отбора и соединения из идеальных отражений материальные тексты.

Язык в материальной форме (объективная языковая система, язык как предмет, языковой стандарт) содержит только всё фактически высказанное. Поэтому здесь он консервативен (в понимании А. М. Пешковского и Л. В. Щербы), стремится к сохранению неизменным своего состояния и воплощает в себе прежде всего уровень языковой нормы, так как норма – это и есть, в сущности, обычное (узуальное, привычное, принятое или узаконенное, кодифицирован-

³⁵ Ломтев Т. П. Указ. соч. С. 14.

³⁶ О способности к адаптивным изменениям кодовой матрицы см.: Павлов В. М. Указ. соч. С. 9.

ное, установленное) проявление идеальной формы языка, показывающее, как и какими обычно являются ее элементы в речи. Ненормативное, окказиональное и т. п. – это необычное, а иногда и вовсе случайное проявление языкового сознания. Следовательно, материальная форма языка представляет собою систему языка *главным образом* (хотя и не только) на уровне нормы.

Отношение между языком в идеальной форме (системой в полном объеме) и языком в материальной форме (системой на уровне нормы) есть, в сущности, частный случай диалектических отношений между сущностью и явлением³⁷. Языковая система, представленная идеальной формой, воплощает в себе сущностное, глубинное, закономерное и необходимое, реальное и потенциальное в языке. Языковая система, представленная материальной формой, воплощает в себе обычное, видимое проявление языкового сознания, актуальное лишь в данный период развития языка. В силу этого сама устойчивость нормы оказывается относительной, обусловленной различными внутрилингвистическими и экстралингвистическими причинами. Г. С. Винокур считает, что «языковая норма с ее всегда только относительной устойчивостью слагается в борьбе между традициями языкового вкуса и теми живыми силами, которые направляют естественный ход исторического развития»³⁸. Однако, признавая ведущий характер идеальной формы языка в сущностном, бытийном плане, признавая ее ведущий стороной в разрешении диалектического противоречия, существующего между ней и материальной формой³⁹, необходимо в то же время признать вторичность идеальной формы в генетическом плане, в плане ее воз-

³⁷ Необходимо, однако, отметить, что нормативное есть только определенная, хотя и важнейшая, часть проявления идеальной языковой системы, тогда как ее явление в полном объеме мы находим во всем многообразии текстов на том или ином языке, со всеми отдельными, случайными и окказиональными элементами, частично выявляющими способности, скрытые возможности, резервы и т. п. этой идеальной системы.

³⁸ Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи // Рус. речь. 1967. № 3. С. 13.

³⁹ «Когда говорят о разрешении диалектического противоречия, то всегда имеется в виду нарастание какого-то нового свойства в ведущей стороне противоречия и обострение противоречий с сохраняющимися без изменения свойствами противоположной стороны» (Ломтев Т. П. Указ. соч. С. 12).

никновения и становления, а также в гносеологическом, общефилософском плане⁴⁰.

Таким образом, эволюционное изменение языка осуществляется благодаря активности, подвижности, динамизму и т. п. элементов языка в идеальной форме, постоянно преодолевающим консерватизм, устойчивость (именно потому и относительную), инертность и пассивность элементов языка в материальной форме, то есть в процессах борьбы между зарождающимся в языковом сознании новым и стремящимся к сохранению неизменным своего состояния в объективной языковой системе (языковом стандарте) старым, потенциальным и актуальным, окказиональным и нормативным, между тем, что «хочется сказать», «можно бы сказать», исходя из свойств и способностей идеальной языковой системы, и тем, что «принято говорить», «необходимо говорить» по существующим в данный момент существования языка нормам. Следовательно, активность элементов языка в идеальной форме и консервативность элементов языка в материальной форме, также отражаемая языковым сознанием, подвижность и инертность, способность и норма представляют собою единство противоположностей и создают то внутреннее собственно языковое противоречие между *перцептивным* и *фиксированным* уровнями отражательной системы людей, разрешение которого определяет основные пути изменения языка. Основным (но не единственным) источником⁴¹, стимулом и целью борьбы этих противоположностей являются насущные языковые потребности общества, постоянно растущие потребности новых наименований, новых средств и способов выражения мысли вместе и в связи с развитием самого мышления.

⁴⁰ «Язык образуется речью». *Вильгельм фон Гумбольдт*. Указ. соч. С. 162; «Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу». *Соссюр, Фердинанд де*. Указ. соч. С. 52.

⁴¹ *Серебрянников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. С. 148–161.